

Кашпар В.И., студ., ГрДУ імя Янкі Купалы
Навуковы кіраўнік – Бяспамятных М.Н.

РАДИКАЛЬНАЯ МОЛОДЁЖНАЯ КОНТРАКУЛЬТУРА КАК САМООРГАНИЗУЮЩЕЕСЯ СООБЩЕСТВО

Современная молодёжная контркультура во всём её многообразии кажется достаточно хорошо изученным явлением в социальных науках. Эмпирический материал, накопленный исследователями в области молодёжных суб- и контркультур даже на «постсоветском» пространстве довольно внушителен (см. исследования Т.Б. Щепанской, О.А. Аксютинной, И.А. Гордеевой и др.). Однако в большинстве своём русскоязычные авторы подходят к анализу контркультур с позиции семиотики или культурологии. В меньшей степени разработанным в постсоветской гуманистике, но, тем не менее достойным внимания, представляется альтернативная модель социальной самоорганизации в среде радикальной контркультурной молодёжи. Предметом настоящей работы выступает теоретическая экспликация этой модели как альтернативы господствующему повсеместно способу социальной организации.

Понятие «*контркультура*» появляется в конце 1960-х как попытка понять и описать процессы, которые охватили западное «технократическое общество изобилия» в период его наивысшего экономического расцвета [7]. Под этим термином изначально понималась «равнодействующая всех форм молодёжного протеста, вычленившаяся на рубеже 60-70-х годов XX в. в особый тип сознания и поведения, мироощущения и образа жизни» [5, с. 38]. В самом общем виде, **контркультура** – это понятие, используемое в современной социологии и других гуманитарных науках для обозначения комплекса социально-культурных установок, ориентации и ценностей,

оппозиционных господствующей культуре в теоретической и практической плоскостях.

В культурологической литературе принято выделить три этапа в развитии классического периода контркультурного движения XX в.: *битничество* («разбитое поколение»; конец 40-х – 50-е гг.), *хиппи* («независимое поколение»; 60-е – первая половина 70-х гг.) и «*новые левые*» («радикальное поколение»; конец 60-х – 70-е гг.) [6, с. 151]. Несмотря на то, что на каждом этапе контркультурные течения вырабатывали собственную неповторимую культуру повседневности, нас, в первую очередь, будет интересовать производные течения самого радикального из них движения «новых левых» и последовавшее за ним панк-движение с этикой «*do it yourself*» (сделай это сам – англ.) и практикой анархизма как наиболее последовательно воплотившее в жизнь идеалы низовой социальной организации.

Характеризуя контркультурную молодёжь как *радикальную*, мы, прежде всего, исходим из того, что исследуемое меньшинство в своём поведении демонстрирует перенос культивируемых им ценностей из аксиологической плоскости в практическую, социальную, что позволяет объективно рассматривать механизмы организации в среде таких социальных меньшинств. Основоположниками радикальных течений в контркультуре выступали американские *хиппи* (во главе с Дж. Рубином, Э. Хоффманом и др.) и французские *ситуационисты* (ведущие теоретики Г. Дебор, Р. Ванейгейм и др.). Именно эти молодёжные движения впервые начинают активно практиковать антиавторитарные формы организации взаимоотношений, противоречащие сложившейся партийной риторике левых.

В центральной Европе контркультура находит своё продолжение в деятельности немецких *автономов* 70-х и 80-х годов XX в., которые

стремились на практике перестроить структуры господства в своей повседневной жизни. Автономы попытались сделать из атомизированных индивидов членов сообщества, коллектива, в котором создавались эгалитарные взаимоотношения, разрушая при этом систему статусов. Таким образом, для них было важно не только открыто выражать своё недовольство системой, а менять жизнь здесь и сейчас, *самоорганизуясь* со своими товарищами. Именно идея самоорганизации, поставленная во главу угла представителями контркультуры, и является основополагающей в дальнейшем её развитии.

Концепт **самоорганизации** представляется достаточно разработанным в рамках синергетической парадигмы и понимается как процесс упорядочения элементов одного уровня в какой-либо системе за счёт внутренних факторов, без внешнего воздействия. В социальную плоскость данный принцип переносится представителями контркультуры через демонстрацию независимого образа жизни, путём реорганизации взаимоотношений на децентрализованных началах. Можно, вслед за Р. Ванейгемом, назвать это *революцией повседневности* [3] либо *политикой примера* [1, с. 195]. Современные контркультурные группы склонны к совместной реорганизации повседневной экономической, социальной и культурной жизни в рамках сложившихся малых сообществ. Воплощением *экономической* реструктуризации повседневности группы является реальное формирование альтернативной экономики, **социальной** – устойчивых временных автономных зон [2], *культурной* – создание значимых артефактов, смыслов и идентичностей.

Ярким примером работающего альтернативного экономико-социального пространства является широко известная на Западе практика «сквотирования» заброшенных зданий. Суть **сквотинга** (от англ. squat – незаконно занятое помещение) выражается не только в банальном поиске

крыши над головой, но и в своеобразной политической декларации, выражающей протест против спекуляции недвижимостью, утверждающей идею автономии и независимости социальной группы от государства, ее права на создание своих культурных и политических пространств и т.п. Однако интерес для нас представляет в первую очередь форма организации хозяйственно-бытового пространства. Организация фримаркетов (свободных рынков) и ворк шопов (вольных мастерских), практики дампстер-дайвинга и шоплифтинга являются наиболее показательными примерами работы безденежной экономики, основанной на взаимности внутри контркультурного коллектива. Кроме создания альтернативной экономики, ориентированной на своё сообщество, формируется масса проектов, рассчитанных на участие извне (например, проект «Еда вместо бомб»).

Современная контркультура всё чаще отождествляется с малоизвестным в отечественной гуманитаристике концептом «**DIY-культуры**», введённым английским исследователем Дж. МакКеем для обозначения тех феноменов протеста 1990-х, которые не соответствовали ни одному из существующих подходов к их концептуализации. DIY является основополагающим принципом многих современных низовых (протестных) инициатив, использующих в качестве организационной модели горизонтальную сеть, опирающуюся на кооперацию и взаимопомощь и практикующих *«интуитивный анархизм»*. Аббревиатура DIY, — отмечает О.А. Аксиютина, — изначально перекочевала в низовые протестные движения из панк-культуры, где обозначала такой способ (само)организации производства, распространения и потребления артефактов данной культуры (аудио и видео записи, самиздатовские журналы — фэнзины, атрибутика и пр.), при котором это производилось самостоятельно, самими участниками музыкальных групп (или просто

причисляющих себя к этой культуре людьми) для своего круга приближённых людей [1, с. 21].

Помимо рассмотренных экономической и культурной составляющих самоорганизации современной контркультуры, важное место принадлежит ее собственно социальному компоненту. Именно он, подчеркнем еще раз, представляет собой реальное воплощение концепции анархизма, которая реализуется через введение в повседневную интеракцию принципа **консенсуса**. Специально данный принцип используется в среде низовых протестных движений, которые формируют устойчивые временные автономные зоны или аффинити-группы (группы близости) [4, с. 11], сочетающие интересы и практики, связанные с экологическим радикализмом, политикой прямого действия и другой социальной активностью. Такие движения стремятся воссоздать групповой и индивидуальный контроль над условиями повседневной жизни повсеместно практикуя реальную модель партиципативной демократии, как прямого, непосредственного участия в принятии жизненно важных решений. В отличие от обычного голосования и принятия решения большинством, осуществляя принцип консенсуса, малая группа стремится прийти к такому выводу, который каждый активно поддерживает или хотя бы не выступает против него. Единство в таких группах достигается путём обсуждения альтернатив по проблеме, вынесенной на общее собрание группы, где посредством фасилитации процесса обсуждения группа принимает общее решение. Сам процесс варьируется в зависимости от численности групп и других факторов, но фундаментальные принципы сотрудничества остаются теми же.

Таким образом, самоорганизация на уровне социальной интеракции, экономической и культурной жизни контркультурной молодёжи является основополагающим ценностным концептом, который находит своё

проявления на каждом из этих уровней в особенной манере. Объединяющим началом всего спектра контркультурных течений, в том числе радикальных, служит их общая идейно-теоретическая база, на которой строится принцип социальной самоорганизации. Этот принцип, как показал анализ самоорганизации в молодежной контркультурной среде, определенным образом трансформируется в характерные для контркультурных групп социальные практики, регулирующие те или иные формы их повседневной жизни.

1. Аксютин, О.А. «Если я не могу танцевать, это не моя революция!» DIY панк/хардкор сцена в России. / О.А. Аксютин. – М.: Нота-Р, 2008. – 336 с., ил.

2. Бей, Х. Устойчивые временные автономные зоны / Х. Бей // Антология современного анархизма и левого радикализма. В 2-х т. Т. 1: Без государства. Анархисты. – М.: Ультра.Культура, 2003. – С. 339-346

3. Ванейгем, Р. Революция повседневной жизни: трактат об умении жить для молодых поколений / Р. Ванейгем. – М: Гилея, 2005. – 288 с.

4. Гелдерлоос, П. Консенсус: принятие решений в свободном обществе / П. Гелдерлоос. – М: Радикальная теория и практика, 2013. – 224 с.

5. Давыдов, Ю.Н. Социология контркультуры: критический анализ / Ю.Н. Давыдов, И.Б. Роднянская. – М.: Наука, 1980. – 264 с.

6. Паниотова, Т.С. История современной западной культуры (XIX – начало XXI вв.): учеб. пособие / Т.С. Паниотова. – Ростов н/Д: Феникс, 2015 – 350 с.

7. Рошак, Т. Истоки контркультуры / Т. Рошак. – М: АСТ, 2014. – 380 с.